

стороны он носил серебряные бичи в пурпурном поле, а с внутренней – душу, которая, любя добродетели, отвергала пороки. Да скорбит посему, да скорбит величайший тосканский дом, блиставший благодаря такому человеку; и пусть скорбят все друзья и подданные его, надежды которых жестоко сразила смерть. И в числе последних по праву да скорблю я, несчастный изгнанник, незаслуженно выдворенный из отечества, который, вновь и вновь думая о своих несчастьях и не теряя дорогой надежды, все время находил в нем утешение.

Утрата телесных благ заставляет нас горько скорбеть, но надлежит подумать о благах духовных, которые не умирают, и пред очами души непременно возникает свет сладостного утешения. Ибо тот, кто почитал добродетели на земле, ныне почитаем добродетелями на небе; и тот, кто был палатинским графом римского двора в Тоскане, ныне, избраннейший придворный Вечного Царства, пользуется славой в небесном Иерусалиме вместе с князьями блаженных. Вот почему, дражайшие мои синьоры, я убедительно прошу и молю вас о том, чтобы вы соблаговолили умерить свою скорбь и думать о вещах осязаемых лишь постольку, поскольку они могут служить вам примером. И как справедливейше назначил он вас наследниками своего состояния, так и вы, ближайшие его родственники, да пожелаете продолжать его славные заветы.

Кроме того, я, преданный вам, прошу вас милостиво извинить мое отсутствие на печальной церемонии, ибо не пренебрежение и не неблагодарность задержали меня вдали, а нежданная бедность, вызванная моим изгнанием. И она, как жестокий преследователь, лишив меня даже лошадей и оружия, окончательно взяла меня в плен и ввергла в свою пещеру; и как ни стараюсь я изо всех сил выбраться оттуда, она до сих пор, сохраняя перевес надо мной, пытается, злодейка, удержать меня в заточении.

III

К Чино да Пистойя

Изгнаннику из Пистойи безвинный изгнанник из Флоренции желает долгих лет жизни и неизменной горячей любви.

Пожар твоей любви излил в меня слово великой веры, и ты, о дражайший друг, спрашиваешь меня, способна ли душа меняться от страсти к страсти: я говорю «от страсти к страсти», разумея, что сила ее каждый раз одинакова и что предметы ее различны по количеству, но не по качеству. И хотя было бы справедливей, чтобы ты сам ответил на поставленный тобой вопрос, ты пожелал, чтобы это сделал я, дабы ответ на труднейший вопрос прибавил славы моему имени. И несмотря на то, что мне это приятно и я не имею ничего против этого, ответ мой едва ли может быть исчерпывающим. Посему, приняв во внимание причину моей сдержанности, додумай сам то, чего я недоговариваю.

Ниже я обращаюсь к тебе с каллиопейскою речью, в которой высказываю в форме утверждения (ибо вопрос разбирается в поэтической форме, образно) мнение о том, что сильная любовь к некому предмету может ослабеть и вовсе погаснуть и что конец одной любви освобождает в душе место для возникновения другой.

Истинность этого, уже подтвержденную опытом, можно подкрепить также разумом и ссылкой на авторитеты. В самом деле, сила, которая с прекращением какого-то явления не пропадает, естественно сохраняется для другого явления, – следовательно, чувства, в том случае, если органы их остаются невредимыми, с прекращением одного явления не умирают и естественно сохраняются для другого. И так как сила влечения, непосредственно связанная с любовью, принадлежит к области чувств, очевидно, что она сохраняется для новой страсти, после того как предыдущая страсть, вызывающая ее к жизни, исчерпывает себя. Как легко убедиться, меньшая и большая посыпки силлогизма не представляют затруднений, окончательное же суждение по этому поводу постарайся вывести сам.

Тебе остается опереться на авторитет Овидия Назона, IV книга «Метаморфоз» которого непосредственно затрагивает рассматриваемый нами вопрос в том месте, где (а именно в поэтической повести о трех сестрах, пренебрегших мистериями сына Семелы), обращаясь к Солнцу (которое, покинув и забыв других нимф, некогда им любимых, возлюбил Левкотою), автор говорит: «К чему, о Гиперионом рожденный...» – и так далее.